

Александр Балтин

АЛХИМИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

СУТЬ ШАЛАМОВА

1

Экзистенциальный опыт Шаламова пронизан такими зияющими, бьющими грязным огнём щелями, что, казалось бы, исключает стихи, однако, учитывая кремень, вложенный в характер писателя, именно этот опыт и разворачивает панорамы стихов, сильных и ярких.

Аввакум – дальний брат Шаламова, гулкий колокол веры – врывается вихрем в стих о нём, чья стилистическая оснастка поражает с первых строк:

*Не в брёвнах, а в рёбрах
Церковь моя.*

В рёбра, в суть, в жизнь вогнана вера, растворена в крови – о! у Шаламова, конечно, другая, но столь же истовая, иначе бы не выжил.

*В усмешке недоброй
Лицо бытия.*

Оно всегда таково, и если и изменится на улыбку, то за нею следует ждать худого.

«Аввакум в Пустозерске» – длинное стихотворение, и поступь каждого четверостишия влечёт выше и выше: ибо только на небеси и остаётся уповать, – крепостью телесной, сколь станет сил, противостоя мучителям.

Стихи Шаламова соляные и огненные одновременно, в них и истовость двуперстного крещенья, и световая гамма надежд,

и ощущение природы, как распаивающей душу субстанции – всегда прекрасной...

Тёртые стихи, тяжелостопные, и – вспыхивающие лёгкостью, если речь идёт о цветах, о букете – поднимаемом в небеса:

*Они лежат в пыли дорожной,
Едва живые чудеса...
Их собираю осторожно
И поднимаю – в небеса.*

Кампанелла в стихотворении Шаламова обращается к пытке, как к старой приятельнице, она шипит и скалится в ответ, зная, что Города солнца не будет; тогда как проеденный болью утопист уверен в обратном.

Шаламов утверждал, что ничего позитивного лагерный опыт не несёт.

Он разводил и возделывал стихи – или слышал их по дуговому движению свыше, – зная, что главное его дело – проза.

Проза о правде, которой не должно быть на земле.

Но и стихи – немаловажный пласт творчества Варлама Шаламова.

2

Шаламов... Трудно читать его прозу, больно; будто жёсткою шероховатостью фраз стремится вскрыть грудную клетку, прикоснуться к вашему, ничего не знающему сердцу, заставить его работать исступлённо...

Больно.

Трудно.

«Колымские рассказы». построенные с предельной достоверностью и максимальной художественностью, – и: требуют максимальной работы души.

Вместе – иначе оценивается понятие «лапидарность»: оно предельно, словно максимы вырезаются на камнях вечности, дабы не стёрли их уже никакие мхи...

Язык сух, как стрептоцид.

Он собирает в себе столько боли, сколько возможно вобрать, совершая путешествие по свету, наименованное жизнь: и, во-первых, необходимо поделиться, чтобы и другие поняли: лагерный опыт не имеет и крошки позитива.

Вообще.

Никакой.

А тело еле живёт: словно живёт единственной целью: сохранить душу, которая не готова ещё к уходу.

А тело живёт физиологически, инстинктивно, противостоя другим телам, желающим его погибели.

«Колымские рассказы», «Левый берег»...

Книги обвиняющей правды.

Тон «Воскрешения лиственницы» более мягок, словно чуть сглаживаются углы.

Хотя...нет, конечно – те углы не сгладить уже никогда...

Разворачиваются ленты поэзии В. Шаламова, испещрённые тяжёлыми письменами...

Кровь тут – самое подходящее вещество для письма; и стихи, сочетая ту же жёсткость, что присуща прозе Шаламова, с яркостью красок, – интенсивны эмоционально и интеллектуально.

*Я беден, одинок и наг,
Лишён огня.
Сиреневый полярный мрак
Вокруг меня.
Я доверяю бледной тьме
Мои стихи.
У ней едва ли на уме
Мои грехи.
И бронхи рвёт мой мороз
И сводит рот.
И, точно камни, капли слёз
И мёрзлый пот.*

Скупое и страшно: с энергией только самых необходимых слов...

Вот стланник живописуется: будто живой, сопоставимый с повадками и бытованием людей, и по тянущимся линиям стланника пробегают обжигающие накаты мирового огня...

Шаровая бездна юдоли: узнанное Шаламовым стало кровоточащей навсегда, своеобразной эпопеей века, в жестокости и экспериментах над людьми превзошедшего все былые, вместе взятые.

ВЕДОМОЕ СЛОВО АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА

Ох, неуёмен бубен, совсем неуёмен!

Звенит и гремит, и дребезжит, и гитарка звучит, и ореховая горка поблескивает, и нумизматические богатства разложены в жилище; а жилище – в недрах провинции: замшелой, как и положено русской, затхлой: именно такой, чтобы живописать, живописать...

Роскошь языка Ремизова: и сказ, и лесковские плетения словес, и Достоевский анализ: всё вместе, и сварено круто, и алогично всё – как мыслим мы, как правило, как говорим: какая уж тут последовательность.

Из глубин древнерусских ведомое слово: и слово, протянутое по лесам былинных времён, словно обогащено персонажами – лохматыми, косматыми, с русалочьими глазами...

Вот и сама плеснёт, проплывая – не ждали?

А Ремизов сидит на полу и вырезывает из бумаги разных недотыкомков: пусть бурлит реальность, пусть сам принимал участие в революционном движении, ибо как же писатель, ведущий своё от Достоевского, может смириться со всем предложенным скарбом бытия?..

«Часы», организованные рублеными, короткими фразами, чья мускульная сжатость предлагает максимальную выразительность, но пессимизм ворочает стрелки, так кажется.

Движение посолонь даст другое: медовое, таинственно-древнее, млеком мифологии вспоённое, монашескими речениями переслоённое...

Своеобразии лоскутного языка – словно вбок отошёл нечто бормочущий своё отшельник, и, набормотавшись всласть, шагнул записывать, делиться с другими: со всеми.

Кто сегодня услышит?

«Путешествие к Морю-Окияну» будет ли осиянно современностью?

Едва ли – тут иной интеграл восприятия: хоть и пропущенный через этнографические дебри, и настоящий на изысканиях учёных.

...Снова и снова рассыпаются жемчужины словес, и переливаются они, играют на солнце духа...

...Монашек бредёт; бесконечность одна в другую переходящих дорог, бесконечность пространства, пластами поднимающегося в синее небо.

Диковинные явления, смехотворные казусы, презабавные небылицы, рассказы, взрывающиеся смехом: какая пёстрая мешанина предложена Ремизовым миру!

Тут гудит и неистовствует смеховая стихия: она выплёскивается чрез край, густеет, снова растекается.

«Крестовые сёстры», «Эмалиоль»...

Вот комод, который можно открыть только определённым образом; вот разбойник с тройным носом: всё подмечено, ничего не упущено; а вот и – сказки раскатятся...

«Зайчик Иванович» прозвучит, проскачет, а то вдруг – медведь сыграет роль Синеи Бороды.

Алхимическая смесь, творящаяся в недрах монастыря, белеющего стенами – и Русь, Русь, уходящая в невозвратность...

ДОРОГА ГРИГОРИЯ СКОВОРОДЫ

Шёл сквозь мир: неуловимый для него, соблазнами сплетающий сеть; шёл мимо цветущих драгоценных садов, городов, наполненных житейским скарбом судеб, богатых усадеб; шёл, чтобы петь свои песни и формулировать мысли свои, подразумевающие пристальный взгляд в таинственные пещеры духа...

*Не лезь в коперниковы сферы –
Воззри в духовные пещеры!*

Красноречив вектор поиска Григория Сковороды – философа, поэта, баснописца, педагога, относившегося к двум культурам: по языку – и к вечности, силой превосходящей Ветхий завет, совмещающей пласты всех культур – по сути.

...Его философия – сгусток поэтических кристаллов: он виртуозно совмещал слово, обработанное поэтически, и мысль – глубоко работающую, и переливающуюся огнями герметической алхимии.

...Три мира выделены философом-поэтом, и первый из них: микрокосм, он же – мирок, мирик – есть человек; а два других

своеобразно объединены Сковородой в символический мир Библии, чей глобальный свод включает в себя всё.

...В том числе путь, не позволяющий сети мира, сплетённой из соблазнов, поймать вечно идущего мудреца.

Было в образе и жизни Сковороды нечто от дервиша: хотя от знаний восточных миров он был, очевидно, далёк.

...И было потом – причудливо работают космические дуги и формулы – нечто от Сковороды в пространстве другого мирового странника – Велимира Хлебникова.

Книги Притчей Соломоновых: сжатые и сгущённые до предельных ударов в бубен сознания поэтические мысли – породили, как волшебная нива, «Разговор о премудрости».

Византийская София, сияя лучами, представляет себя так:

*У греков звалась я София в древний век,
А мудростью зовёт всяк русский человек,
Но римлянин меня Минервою назвал,
А христианин добр Христом мне имя дал.*

Диалог между нею, и человеком, страждущим истины, развернётся пространно, но и компактно, касаясь самых разных вариантов постижения мира.

Космоса.

В определённом смысле Сковороду можно назвать родоначальником русского космизма – своеобразной поэтической смеси: мысли, утопии, провидения, колыхающихся великолепно высот духа...

Счастье (лучше, крепче – щастье) составляет цель человеческого бытия: бытования на земле, в недрах вечного вращения юлы юдоли; был ли счастлив Сковорода?

Казалось бы, он достиг внутренней гармонии, и философия его исполнена высокого покоя, тем не менее, писал:

*Щастие, где ты живёшь? Горлицы, скажите!
В поле ли овцы пасёшь? Голубы, взвестите!
О щастие, наш ясный свет,
О щастие, наш красный цвет!
Ты, мати и дом, появяся, покажися!
Щастие! Где ты живёшь? Мудрые, скажите!
В небе ли ты пиво пьёшь? Книжники, взвестите!*

Колорит тяжёлого стиха велик, и своеобразное обаяние его словно призывает ко включению архаики в игру современных созвучий.

...учение о двух натурах живописало путь от внешней: телесного, косного и тяжёлого пласта, ко внутренней, таящей в себе Вселенную в миниатюре, и соединённой со Вселенной огромной, которую так интересно прозревал будущий брат Сквороды – Циолковский.

Скворода обращался к небесному покою, как к простору подлинного отечества духа:

О покой наш небесный!

Созидавая басни, поэт хватал за шкурки пороки: но – шкурки у оных скользкие, и в том нет вины поэта: они (пороки) даже уязвлённые и извлечённые словом на свет, продолжают алчное своё бытование меж нас.

...кажется, Скворода не умер – в доме дворянина Ковалевского на пути в Киев, но – растворился в бездне собственного пути, свершаемого вновь и вновь, поскольку метафизическая хрустальная лестница, ведущая в мистические небеса, бесконечна.

СЛОВО АВГУСТА СТРИНДБЕРГА

Жар и образ Эрика XIV сходен с гамлетовским: недаром грим роли Михаила Чехова был похож...

Эрик-излом...

Шаровая мука и бездна власти...

...Сам Стриндберг вторгался в реальность (насколько поддаётся определению) с энергией бунтаря, ниспровергающего запреты художественными методами: «Фрёкен Жюли» сочли безнравственной из-за слишком смелой трактовки взаимоотношений.

Зыбко мерцает «Соната призраков»: кружится кружево иллюзий...

Приключения студента, идеализирующего богатую жизнь, отдают гофманианой – равно звуча тонами экспрессионизма: слишком заострены контуры взаимоотношений.

Некто таинственный помогает ему проникнуть в общество обитателей дома, переплётённых хитрыми связями; тут призраки обыденны, они ходят при денном свете, женщина превращается в мумию, страшный повар-вампир высасывает соки из еды – прежде, чем подать её.

Модернизм?

Скорее предчувствие разнообразных бездн, ожидающих человечество: от расчеловечивания до бесконечных технологий, иссушающих души.

...Между «Кукольными домами» Ибсена и Стриндберга нет ничего общего: кукольность дома, показанного шведом, состоит из множества комнаток-кают, поскольку муж-капитан; жена во время одного из плаваний, попав под влияние подруги, проникается идеями феминизма; возвратившийся капитан вынужден будет пользоваться маской: разумеется, не из области карнавала, чтобы вернуть супругу в естественное русло жизни.

Анализируя отношения: всегда и во всём, но в «Эрике XIV» они заострены самой историей.

Стриндберг занимался научными экспериментами и исследованием оккультизма.

Для него было не страшно то, что пугало других: неистовство этого качества Стриндберга отметил А. Блок – в посмертном слове.

Шёлк жизни был ему не по нраву: красный цвет в «Красной комнате» воспринимается огнём воспаления.

Раскалённые молнии модернизма бьют в реализм: результат подобной деятельности и предлагал Стриндберг в качестве литературы: неистовой и страстной, отмеченной зигзагами гениальности.

СОЛНЦЕ ДВУХ

1

Аристократ, выпускник Оксфорда, страстно любивший науки, языки и литературу: Филипп Сидни стал покровителем поэтов до того, как прославился в этом качестве сам...

...Сонет был одной из основных форм: но Сидни уходит от итальянского варианта, используя новации, и насыщая

застарелые формы, сколько бы ни любил Петрарку, новыми смыслами...

*Смыкает сон тяжёлые крыла
Над сенью век; дремота укротила
Круженье дум и чувства отвратила
От мелочей, которым несть числа.*

*Но страсть и здесь пристанище нашла
И образ милой Стеллы возвратила.
А в нём такая трепетность и сила,
Что попроси – она б запеть могла!*

(пер. Г. Русакова)

Слова... не играют в гармонию, но – живут ею, соединённые так плотно, что время не сможет расплести их волокна.

Сидни был экспериментатором: например, включал диалог в недра сонетных построений, придавая им необыкновенную живость, энергию разговорной речи и особую мелодику...

...Он исследовал душу: её странствия, возможности развития, роста:

*Я вижу берег! Сердце, не спеши:
Твой парус судну шаткому опасен
Порыв, рождённый радостью, прекрасен,
Но он сулит крушение души.*

*Так слабоумный Лорд в ночной тиши
Закон измыслит, что для всех ужасен,
И людям, для которых путь был ясен.
Укажет тропку, где обрыв в глуши.*

(пер. И. Озеровой)

Он, сведущий в науках: в их тогдашнем воплощении, выступал, как подлинный исследователь природы жизни: словно был физиком поэзии, её математиком...

Он обращался к элегиям и балладам; он писал сатиры, язвя пороки, хватая их за шкурки: скользкие, как у всяких бесенят...

И он воспевал Стеллу: вымышленную, реальную: истории это не важно уже:

Кто ищет в Книге бытия листы,

*Где в дивной форме дух сокрыт высокий,
Тот пусть в тебе Любви читает строки:
О Стелла, совершенство – это ты!*

(пер. Л. Тёмина)

Он был ярок, как теоретик литературы: гуманистические размышления о её роли, воспитывающей нравственную личность, исполненную света, пришлось бы впору нынешнему времени, когда бедная литература низведена до уровня примитивного развлекалова...

2

В каждом жанре поэзии оставил перлы; и эпитеты, которыми награждали современники Эдмунда Спенсера, были из высочайших.

*...развернётся эклога:
Безвестный селянин, совсем юнец,
Когда январь окончился почти,
В погожий день повел пастись овец,
Что зиму коротали взаперти.
Худые, ослабевшие в хлеву,
Щипали овцы жухлую траву.*

*И с виду овцам был под стать пастух:
И слаб, и худ – не человек, а тень!
Злосчастье пригнетало юный дух;
Свирель наладить, подлатать плетень –
Куда там! Отрешённо пас бедняк
Свою отару – и крушился так...*

(пер. С. Александровского)

Далее пойдут жалобы, обращённые, конечно, к античным богам, ибо солнце античности не заходило никогда.

«Пастуший календарь», сочинённый Спенсером, возник вехой: чуть ли не второй после «Кентерберийских рассказов» Чосера; подобно Вергилию, Спенсер начинает своё поэтическое движение с пасторальной темы.

Впрочем, движение по светской лестнице было не менее увлекательно: Спенсер становится секретарём Артура, 14-го

лорда Грея де Уилтон, участвует во многих интригах, чьё плетение не уступает плетению словес...

Поэзия научна: технические средства, инструментарий Спенсер весело и рьяно обсуждает в переписки с Сидни, часто ссылаясь на примеры поэтов «Плеяды».

...Королева фей, справлявшая ежегодное природное торжество 12 дней, каждый день отправляла одного из рыцарей на подвиг...

В поэме должно было быть двенадцать глав: но петли обстоятельств не позволяют Спенсеру закончить глобальное повествование: не делающееся менее глобальным: того, что осталось – достаточно.

*Барочно сплетаются аллегории.
...а впрочем – всё, как всегда:*

*Окончил путь усталый старый год,
Явился новый в утреннем сиянье
И начал мерных дней круговорот,
Сулящий нам покой и процветанье.
Оставим же за новогодней гранью
С ушедшей прочь ненастною порой
Ненастье душ и грешные деянья
И жизни обновим привычный строй.*

(пер. А. Сергеева)

...Всё, как всегда: и на заднем плане мелькает великолепный часослов братьев Лимбургов: таинственно многоцветный, возвышенный, даже когда трактуются простые темы бытия.

Спенсер был наименован поэтом поэтов, продолжая заниматься политикой и... словами.

Словами, образами, рифмами... Они играют в его поэзии необыкновенно, словно перетекая одно в другое; его поэзия чрезвычайно музыкальна: в ней – орган и горный ручей, лютня и шум волн, в ней онтологический ветер разговаривает с листьями дней, рождая постепенно современную поэзию...

ФЕНОМЕН АЛЬ-ФАРИДА

...Любовь, в которой растворяясь, любящий теряет своё «я»: путь суфия, сулящий слияние с Богом, был освоен Аль-Фарид

через мистические действия, включающие в себя и словесные формулы, и грани аскезы: не принимавший пищу по несколько дней поэт, впадал в экстаз, слыша поэтические откровения, преодолевшие косность веков:

*Глаза поили душу красотой...
О, мирозданья кубок золотой!
И я пьянел от сполоха огней,
От звона чаш и радости друзей.*

*Чтоб охмелеть, не надо мне вина –
Я напоён сверканьем допьяна.*

«Большая касыда» – грандиозный пламень из 760 бейтов, туго совмещающий языки психологии, эзотерики и собственной истории: истории почти невероятной, ибо речь идёт о вращении человека в святость.

Хмельной призыв метафизическим золотом мерцающего огня касыды...

За ней – космос дуг, лучений, таинственных пространств, доступ к которым практически закрыт – для живущих в теле; но – именно преодолеть его, преодолевая физиологию, и стремился Аль-Фарид.

*Любовь моя, я лишь тобою пьян,
Весь мир расплылся, спрятался в туман,*

*Я сам исчез, и только ты одна
Моим глазам, глядящим внутрь, видна.*

*Так, полный солнцем кубок пригубя,
Себя забыв, я нахожу тебя.*

И поётся сие – о любви к Богу: как сложно, находясь вне пределов суфизма, проассоциировать речения касыды с оной.

...Изначально основы мусульманского шафиитского вероучения преподавал отец; в раннем возрасте Аль-Фарид предпочитает уединение...

Он прерывает отшельничество – после смерти отца; вновь возвращается к уединению, около 15 лет проводит в Мекке...

Касыда разворачивается многослойно, порой, кажется, противоречиво, но в этих противоречиях и сконцентрированы зёрна поиска:

*В моей груди огонь с горы Хорив
Внезапно вспыхнул, сердце озарив.*

*И если б не неистовство огня,
То слёзы затопили бы меня,*

*А если бы не слёз моих поток,
Огонь священный грудь бы мне прожёг.*

*Не испытал Иаков ничего
В сравнение с болью сердца моего...*

Он был признанным при жизни – Аль-Фарид – проповедником и мыслителем, но жизнь, кажется, не очень интересовала его: важнее были те неистовые поэтические струи, что поднимали поэта выше и выше, открывая коридоры, ведущие в пространства...

И он поделился откровениями запредельности: сколь переводимы они в человеческую речь.

ТРАГИЧЕСКАЯ СИЛА ЛЮБВИ...

Параллельные сказанья, прочерченные в космосе духа, убеждают в братстве народов, в единой корневой оси человечества.

Пламенные персонажи средневековых рыцарских романов – Тристан и Изольда – встречаются – в варианте своеобразия – в древневосточных, античных, кавказских бытованиях; кельтское оформление предания, исполненное Мэлори, имело характерные бытовые черты и подробности.

...Рано осиротевший Тристан, скрываясь от коварных козней мачехи, попадает в Тингатель, величественный замок, где дядя, воспитывая его, как родного, намеревается передать ему власть...

Вереск цветёт...

Вассалы понуждают Марка, дядю Тристана, жениться, дабы появился законный наследник; сам Тристан принимает учас-

тие в оном мероприятии, привозя в замок прекрасную Изольду, по пути выпив с нею по ошибке, становящейся роковой, любовный напиток...

О! сколько связано с ним поверий, преданий, небылиц...

Служанка Изольды, заменившая её на ложе короля, ни о чём не догадавшегося; страсть, смертельно связавшая рыцарскую пару в веках, колеблемых онтологическим ветром, как тростники...

Разоблачение любовников, их побег, лес, в котором скитаются; прощающий их наконец Марк; подвиги Тристана в Британии...

Наслаиваются приключения; камень легенды, как мхом, обрастает подробностями.

Чёрный парус, становящийся роковым предзнаменованием, как в мифе о Тезее; страдающий Тристан не в силах больше сдерживать свою жизнь, Изольда, умирающая рядом с любимым; смерть, как естественная часть жизни...

Т. Мэлори, мощно и живописно обработавший легенду, и его «Книга о Тристане» базировалась во многом на французском источнике, прозаическом романе.

...Прототип, развивающийся в перенасыщенный образ за счёт бессчётных деталей; вина, одолевающая Тристана, трояка, усложнена, и говорит о том, насколько мало изменился человек в плане чувств.

Возделанные поля социальности, проросшие знаками противоречий между личным и общественным, – знаками, питавшими дальнейшее развитие чрезвычайно популярной легенды – вплоть до эпохи Возрождения.

Вплоть до наших дней: ибо образ любви, сияющей трагической силой, будет востребован всегда.

г. Москва